

Очерки прошлого¹⁾.

Съ трудомъ добрались мы до стоянки Тимокской арміи. Лошадей и повозки надо было брать съ боя. Хлудовъ, видя неуспѣшность нашихъ исканій, завалился спать и его трудно бывало привести въ бодрствующее состояніе, когда какимъ-нибудь чудомъ приводили лошадей. Холодная мгла покрывала землю, и мы шагомъ подвигались къ мѣсту нашего назначенія. Дохтуровъ съ двумя адъютантами показался впереди. Нашъ возница не зналъ дороги и слѣдовалъ за ними. Но вотъ они исчезли изъ виду, и намъ пришлось цѣлый день путаться по незнакомой мѣстности. Когда мы доѣхали до главной квартиры, то при насъ привели шпионовъ. Все это былъ народъ съ виду тупой, бѣдный. Нельзя удивляться, что турки знали о нашихъ намѣреніяхъ. По всей Сербіи говорили о предстоящемъ сраженіи. Турки, раньше дня, условленнаго для нападенія со стороны сербовъ, сами затѣяли рекогносцировку.

По диспозиціи графу Келлеру надо было начать сраженіе въ 11 часовъ дня. Наканунѣ вечеромъ я пріѣхалъ къ графу Келлеру. Онъ лежалъ на травѣ вмѣстѣ со своими ординарцами. Бли они медъ съ сардинками. Одна коробка приходилась на всю компанію. Хлѣбъ можно было достать развѣ у солдатъ-сербовъ. Когда кому-то захотѣлось воды (а воды не было), то другіе сказали: „Ничего, завтра напьемся въ Зайчарѣ, тамъ и лавки есть“.

Лагерь располагался на возвышенности; по обимъ концамъ были батареи; Келлеръ приказалъ мнѣ находиться при немъ и ждать его распоряженій. Въ 6 часовъ утра лагерь былъ уже на ногахъ. Нашелся добрый человѣкъ, который раздобылся водой, заварили чай, и мы, имѣя много времени до сраженія, стали наслаждаться чаепитіемъ; но не успѣли выпить и по чашкѣ чая, какъ грянулъ одинъ и другой выстрѣлъ съ турецкой

¹⁾ См. „Русская Старина“ апр. 1916 г.

стороны. Я стоялъ около батареи вмѣстѣ съ Келлеромъ, Гирсомъ, Мельниковымъ. Графъ Келлеръ вскочилъ на ноги, разставилъ людей, сѣлъ на лошадь. Отрядъ выстроился и понесся на турецкіе шанцы. Кавалерійскій отрядъ княгини Наталіи также пошелъ впередъ. Въ воздухѣ раздавалась пушечная пальба, шипѣніе лопающихся гранатъ. Графъ Келлеръ, какъ его ни упрашивали беречься, невозмутимо сидѣлъ на своей лошади и отдавалъ приказанія. Вотъ и сербъ-артиллеристъ Недѣльковичъ сидитъ на конѣ и посматриваетъ въ турецкую сторону. Шипѣніе, и бомба не долетаетъ; слышатся палильники. Вотъ другая, третья... Но это что-то ударило очень близко? Всѣхъ обдало землей. Лошадь Недѣльковича уже валяется на землѣ въ предсмертныхъ мукахъ, и блѣдный Недѣльковичъ подъ нею. Цѣлая лужа крови вокругъ сѣдока и лошади. Подбѣжали къ нему, подняли лошадь и освободили Недѣльковича. Солдаты и я взяли раненаго и отнесли его на ближайшую колу. Потомъ вернулись. „Оставьте, бросьте меня“, стоналъ раненый.

Стройно двигавшійся впередъ отрядъ уже возвращался бѣгомъ въ полномъ разстройствѣ. „Турци, турци“, раздавался испуганный голосъ. „Пушки увезть, а то турки возьмутъ ихъ“, слышалъ я распоряженіе, и артиллерія понеслась вскачь. Паническій страхъ овладѣлъ массою дрогнувшаго войска. Кто не могъ бѣжать, хватался за колеса, садился на пушку. „Турци, турци“, только и слышно было отовсюду. Огонь становился убійственный. Кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ раздавались ружейные залпы. Графъ Келлеръ и Трофимовичъ остановились съ артиллеріей на слѣдующей высотѣ. Мнѣ нельзя было за ними слѣдовать, потому что у меня не было лошади—къ счастью для меня одинъ сербъ подвелъ мнѣ лошадь, и я сѣлъ на нее (лошадь была ранена); я далъ ему на чай за то, что онъ помогъ мнѣ сѣсть. Такъ много грязи собралось на сапогахъ, что трудно было положить ногу въ стремя. Турки наступали по большой дорогѣ. Бѣгущихъ трудно было удержать: чувство самосохраненія заговорило въ каждомъ такъ громко, что заглушало собою чувство долга и любовь къ отечеству. Войска не было; было нѣсколько человѣкъ, окружавшихъ Келлера и артиллерію. Кавалеріи не было видно. Осману стоило только энергичнѣе вести наступленіе, и сербы потерпѣли бы ужасный разгромъ, но турки тоже остановились въ нерѣшительности. Пушки загремѣли въ другомъ направленіи, должно быть въ центрѣ. Солдаты трудно было отыскать. Были, правда, еще

цѣлые отряды, не находившіеся въ огнѣ, но они должны были прибыть поздно. Вся дорога покрылась бѣгущими. Графъ Келлеръ выходилъ изъ себя, кричалъ, упрашивалъ; но тутъ нужны были другія средства. Сербъ Топаковичъ увидѣлъ одного бѣгунца и сказалъ мнѣ: „У васъ есть револьверъ, застрѣлите его“. Но я безъ разговора подалъ ему револьверъ, не желая брать на свою душу такой грѣхъ. Сербы, которыхъ я видѣлъ въ этомъ сраженіи, держали себя съ достоинствомъ. Но чего можно требовать отъ человѣка, взятаго прямо отъ сохи? Его и не одѣли какъ солдата. Онъ сошелъ съ дороги, высыпалъ патроны, бросилъ пушку, ружье¹⁾, и вы не признаете его за солдата. Топаковичъ, замѣтивъ, что лошадь моя скоро свалится, кликнулъ больничару, который велъ двухъ лошадей за уздцы, чтобы онъ отвелъ ее въ Баню, а мнѣ далъ бы другую, и я сѣлъ на нее.

Графъ Келлеръ смотрѣлъ въ бинокль. Онъ обратился ко мнѣ: „Вы возьмите двухъ коняниковъ (верховыхъ) и поѣзжайте осмотрѣть по этому направленію, не заходятъ ли турки намъ въ тылъ“. Кавалеристы оказались русскіе. Мы спускались ко всѣмъ крутизнамъ, но не нашли турокъ. Вотъ возвращаемся назадъ. Между моими провожатыми завязывается разговоръ: „Смотрите, турки“. „Нѣтъ, это не турки, это сербы“. Когда мы подѣхали, то увидѣли, что это были наши. Народу было много уже, и войско подымалось на прежнюю позицію. Графъ Келлеръ кричалъ нѣкоторымъ: „напередъ, напередъ, тамъ нема турци“.

Турки дѣйствительно отступили. По дорогѣ валялись трупы людей, лошадей, разный скарбъ, брошенный бѣгущими. Кто рисуетъ себѣ битву какъ какой-нибудь торжественный праздникъ съ музыкой съ одушевленіемъ на всѣхъ лицахъ, тотъ въ настоящемъ случаѣ далекъ отъ истины. Что можетъ быть поэтическаго, когда околѣваетъ лошадь, когда падаетъ передъ вами человѣкъ и когда на лицахъ видны не то страхъ, не то ужасъ. Слышатся только сигналы противниковъ, наступленіе, отбой, визгъ пуль, лопанье гранатъ и стоны раненыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Григорій де-Волланъ.

¹⁾ Селякъ, отправляясь въ битву, въ одной рукѣ держалъ гуся, а на штыкъ воткнулъ курицу. Понималъ ли онъ, что онъ, какъ солдатъ, идетъ въ бой?